

РОБЕРТ ИВАНОВИЧ

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

ЛУЧШИЕ СТИХИ

р у с с к а я к л а с с и к а

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ НОВАЯ КЛАССИКА

Роберт Рождественский
Лучшие стихи

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.161.11
ББК 84(2Рос=Рус)65

Рождественский Р. И.

Лучшие стихи / Р. И. Рождественский — «Издательство АСТ»,
2016 — (Эксклюзивная новая классика)

ISBN 978-5-17-094951-9

Перед вами – сборник лирики, статей и черновых записей Роберта Рождественского (1932–1994), одного из плеяды «шестидесятников», поэтов «оттепели», переживших свою страну.

УДК 821.161.11
ББК 84(2Рос=Рус)65

ISBN 978-5-17-094951-9

© Рождественский Р. И., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

«Нахожусь ли в дальних краях...»	6
Начало	7
«Я родился – нескладным и длинным...»	7
Стихи о моем имени	9
Сын Веры	13
«Та зима была, будто война, – лютой...»	15
Счет	17
Реквием (из поэмы)	18
1	18
2	19
3	21
4	22
5	23
6	25
Оттепель	27
Отрывок из поэмы «Совесь»	27
Часы	29
Утро	31
Творчество	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Роберт Рождественский

Лучшие стихи

© Рождественский Р. И. (наследники), 2016

© ООО «Издательство Астрель», 2016

* * *

Перед вами – сборник гражданской лирики, статей и черновых записей Роберта Рождественского (1932–1994), одного из плеяды «шестидесятников», поэтов «оттепели», переживших свою страну. Стихи расположены в хронологическом порядке, от ранних, наивных клятв пятидесятых («не изменю флагу цвета крови моей») до горьких последних стихов начала девяностых («ты меня в поход не зови, мы и так по пояс в крови»). Составители намеренно не вычеркивали излишне «коммунистические» стихи: на их фоне видно становление поэта, его взросление. И поэтому сборник можно читать как мемуары, очень личный отчет о временах «оттепели» и «застоя», а можно – как любовный роман, историю человека, который любил свою родину, свято верил всей ее прекрасной лжи и высокой правде, но потом его страна умерла, и вместе с растерянностью к нему пришла мудрость. А еще это – детектив, где тайны раскрываются слишком поздно, а убийцей оказывается время.

«Нахожусь ли в дальних краях...»

Нахожусь ли в дальних краях,
ненавижу или люблю, —
от большого,
от главного
я —
четвертуйте —
не отступлю.
Расстреляйте —
не изменю
флагу
цвета крови моей.

Эту веру я свято храню
девять тысяч
нелегких дней.
С первым вздохом,
с первым глотком
материнского молока
эта вера со мной.

И пока
я с дорожным ветром
знаком,
и пока не сгибаясь
хожу
по не ставшей пухом земле,
и пока я помню о зле,
и пока с друзьями дружу,
и пока не сгорел в огне,
эта вера
будет жива.

Чтоб ее уничтожить во мне,
надо сердце убить
сперва.

Начало

«Я родился – нескладным и длинным...»

Я родился —
нескладным и длинным —
в одну из влажных ночей.
Грибные июньские ливни
звенели,
как связки ключей.
Приоткрыли огромный мир они,
зайчиками прошлись по стене.

«Ребенок
удивительно смирный...» —
врач сказал обо мне.

...А соседка достала карты,
и они сообщили,
что
буду я не слишком богатым,
но очень спокойным зато.

Не пойду ни в какие бури,
неудачи
смогу обойти
и что дальних дорог
не будет
на моем пути.
Что судьбою,
мне богом данной
(на ладони вся жизнь моя!),
познакомлюсь
с бубновой дамой,
такой же смирной,
как я...
Было дождливо и рано.
Жить сто лет
кукушка звала.

Но глупые карты
врали!
А за ними соседка
врала!
Наврала она про дорогу.
Наврала она про покой...
Карты врали!..
И слава богу,
слава людям,
что я не такой!
Что по жилам бунтует сила,
недовольство собой храня.
Слава жизни!
Большое спасибо
ей
за то, что мяла меня!
Наделила мечтой богатой,
опалила ветром сквозным,
не поверила
бабьим картам,
а поверила
ливням грибным.

Стихи о моем имени

Ояру Ваццетису

Мне говорят:
«Послушайте,
упрямитесь чего вам?
Пришла пора исправить ошибки отцов.
Перемените имя.

Станьте
Родионом.
Или же Романом, в конце концов...»
Мне это повторяют...

А у меня на родине
в начале тридцатых
в круговерти дней
партийные родители
называли Робертами
спеленутых,
розовых,
орущих парней...
Кулацкие обрезы ухали страшно.
Кружилась над Алтаем рыжая листва...
Мне шепчут:
«Имя Роберт
пахнет иностранщиной...»
А я усмехаюсь на эти слова.

Припомнитесь, тридцатые!
Вернись, тугое эхо!
Над миром неустроенным громыхни опять.
Я скажу о Роберте,
о Роберте Эйхе!
В честь его
стоило детей называть!

Я скажу об Эйхе.
Я верю:
мне знаком он —
большой,
неторопливый, как река Иртыш...
Приезжал в Косиху
секретарь крайкома.
Веселый человечиче.
Могучий латыш.
Он приезжал в морозы,

по-сибирски лютые,
своей несокрушимостью
недругов разя.
Не пахло иностранщиной!
Пахло
Революцией!
И были у Революции
ясные глаза...
А годы над страню летели громадно.
На почерневших реках
дождь проступал,
как сыпь...
Товарищ Революция!
Неужто ты обманута?!
Товарищ Революция,
где же твой сын?
В какую мглу запрятан?
Каким исхлестан ветром?
Железный человечие.
Солдат Октября.
Какими
подлецами
растоптан,
оклеветан?..
Неужто,
Революция,
жизнь его —
зря?!

От боли,
от обиды
напрягутся мышцы.
Но он и тогда не дрогнет,
все муки стерпя.
В своем последнем крике,
в последней самой мысли,
товарищ Революция,
он верил в тебя!..
Да будет ложь
бессильной.
Да будет полной
правда...
Ты слышишь, Революция,
знамен багровых
плеск?
Во имя Революции —
торжественно и прямо —
навстречу письмам
Эйхе

встает партийный съезд!
Рокочет «Интернационал»
весомо и надежно.
И вот,
проклиная жестокое вранье,
поет Роберт Эйхе —
мой незабвенный тезка!..

Спасибо вам, родители,
за имя мое...
Наверно, где-то ждет меня
мой последний
день.
Кипят снега над степью.
Зубасто встали надолбы...
Несем мы имена
удивительных людей.
Не уронить бы!
Не запятнать бы!

Сын Веры

Ю. Мозилевскому

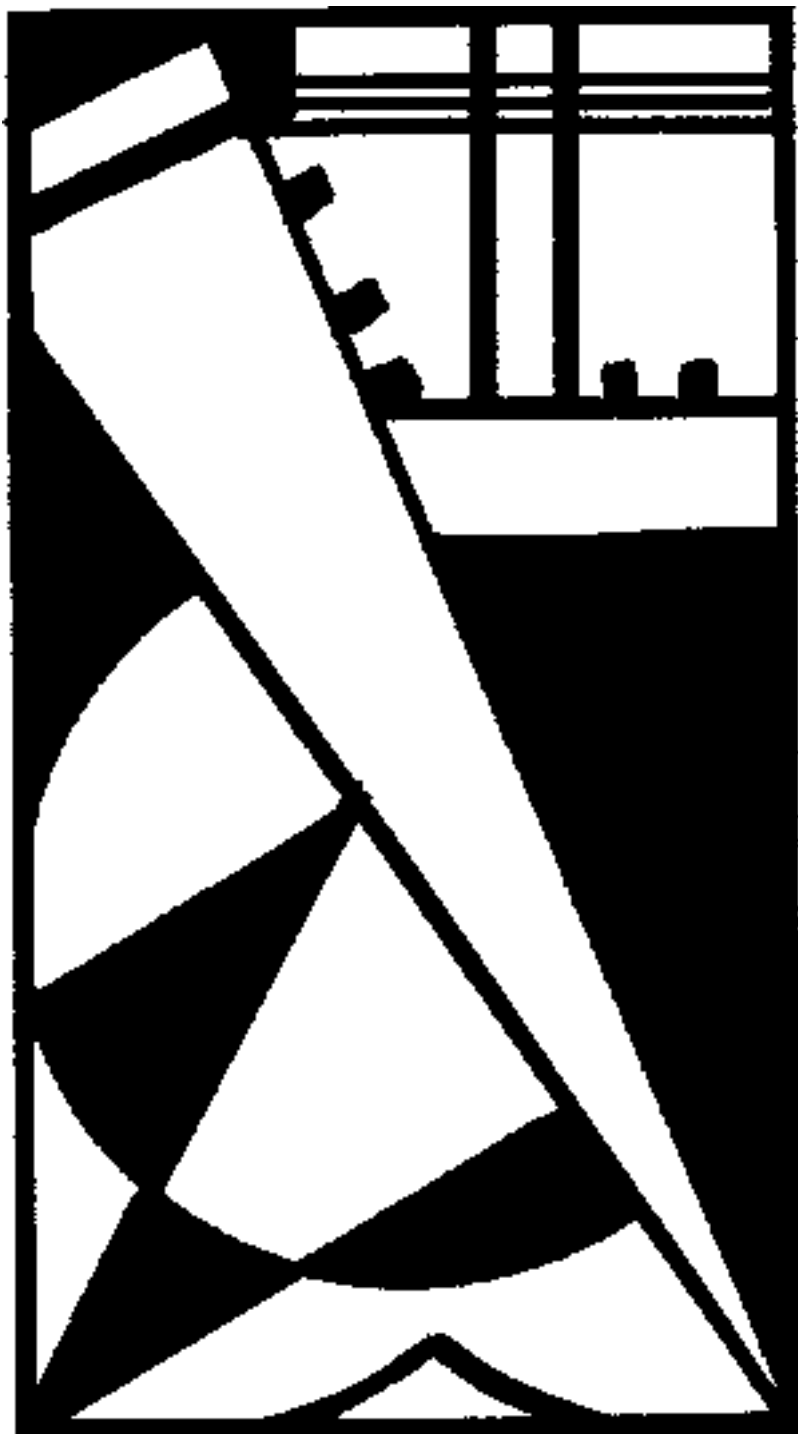
Я —
сын Веры...
Я давно не писал тебе писем,
Вера Павловна.
Унесли меня ветры,
напевали мне ветры
то нахально,
то грозно,
то жалобно.
Я – сын Веры.
О, как помогла ты мне, мама!
Мама Вера...
Ты меня на вокзалах пустых обнимала,
мама Вера.
Я —
сын Веры.
Непутевого сына
ждала обратно
мама Вера...
И просила в письмах
писать только правду
мама Вера...
Я —
сын Веры!
Веры не в бога,
не в ангелов, не в загробные штуки!
Я —
сын веры в солнце,
которое хлещет
сквозь рваные тучи!
Я —
сын веры в труд человека.
В цветы на земле обгорелой.
Я —
сын веры!
Веры в молчанье
под пыткой!
И в песню перед расстрелом!
Я —
сын веры в земную любовь,
ослепительную, как чудо.
Я —
сын веры в Завтра —

такое, какое хочу я!
И в людей,
как дорога, широких!
Откровенных.
Стоящих...
Я —
сын Веры,
презираю хлюпиков!
Ненавижу плаксивых и стонущих!..
Я пишу тебе правду,
мама Вера.
Пишу только правду...
Дел — по горло!
Прости,
я не скоро
вернусь обратно.

«Та зима была, будто война, – лютой...»

Та зима была,
будто война, —
лютой.
Пробуравлена,
прокалена ветром.
Снег лежал,
навалясь на январь
грудой.
И кряхтели дома
под его весом.
По щербатому полу
мороз крался.
Кашлял новый учитель
Сергей Саньч.
Застывали чернила
у нас в классе.
И контрольный диктант
отменял завуч...
Я считал,
что не зря
голосит ветер,
не случайно
болит по утрам
горло,
потому что остались
на всем свете
лишь зима и война —
из времен года...
И хлестала пурга
по земле крупно,
и дрожала река
в ледяном гуле.
И продышины в окнах
цвели кругло,
будто в каждую
кто-то всадил
пулю!..
И надела соседка
платок вдовий.
И стонала она допоздна-поздно...
Та зима была, будто война, —
долгой.

Вспоминаю
и даже сейчас
мерзну.

Счет

Сначала
ровно тысячу дней,
потом еще четыреста дней,
а после еще восемнадцать дней
(так подсчитано)
шла война.
Невозможно было привыкнуть к ней,
невозможно было не думать о ней.
Благословляла,
крестила,
казнила
и миловала она.

И тот,
чья юность осталась в ней,
кто сегодня не может забыть о ней,
говорит о ней
и молчит о ней
в окружении внуков,
лекарств
и седин,
мечтает прожить еще тысячу дней,
потом еще четыреста дней,
потом еще восемнадцать дней.
А после —
хотя бы еще один.

Реквием (из поэмы)

Памяти наших отцов и старших братьев, памяти вечно молодых солдат и офицеров Советской Армии, павших на фронтах Великой Отечественной войны.

1

Вечная
Слава
Героям!
Вечная слава!
Вечная слава!
Вечная
слава
Героям!
Слава Героям!
Слава!!
...Но зачем она им,
эта слава, —
мертвым?
Для чего она им,
эта слава, —
павшим?
Все живое —
спасшим.
Себя —
не спасшим.
Для чего она им,
эта слава, —
мертвым?..
Если молнии в тучах заплещутся жарко
и огромное небо
от грома оглохнет,
если крикнут
все люди земного шара, —
ни один из погибших
даже не вздрогнет.
Знаю:
солнце
в пустые глазницы не брызнет!
Знаю:
песня
тяжелых могил не откроет!
Но от имени
сердца,
от имени

жизни
повторяю:
Вечная
Слава
Героям!..
И бессмертные гимны,
прощальные гимны
над бессонной планетой
плывут величаво...
Пусть
не все герои, —
те,
кто погибли, —
павшим
Вечная слава!
Вечная слава!..
Вспомним всех поименно,
горем
вспомним
своим...
Это нужно —
не мертвым!
Это надо —
живым!
Вспомним
гордо и прямо
погибших в борьбе...
Есть
великое право:
забывать о себе!
Есть
высокое право:
пожелать и посметь!..

Стала
вечною славой
мгновенная
смерть!

2

Черный камень,
черный камень,
что ж молчишь ты,
черный камень?

Разве ты хотел такого?
Разве ты мечтал когда-то
стать надгробьем

для могилы
Неизвестного солдата?
Черный камень.
Что ж молчишь ты,
черный камень?..
Мы в горах
тебя искали.
Скалы
тяжкие
дробили.
Поезда в ночах
трубили.
Мастера в ночах
не спали.
Чтобы умными руками,
чтобы
собственную кровью
превратить
обычный камень
в молчаливое
надгробье.
Разве камни
виноваты
в том,
что где-то под землю
слишком долго
спят солдаты?
Безымянные
солдаты.
Неизвестные
солдаты...
А над ними
травы сохнут.
А над ними
звезды меркнут.
А над ними
кружит беркут.
И качается подсолнух.
И стоят над ними
сосны.
И пора приходит
снегу.
И оранжевое солнце
разливается по небу.
Время
движется над ними...
Но когда-то,
но когда-то
кто-то в мире

помнил
имя
Неизвестного солдата!
Ведь еще
до самой смерти
он имел друзей немало.
Ведь еще
живет на свете
очень старенькая
мама.
А еще была
невеста.
Где она теперь —
невеста?..

Умирал солдат —
известным.
Умер —
Неизвестным.

3

Ой, зачем ты,
солнце красное,
все уходишь —
не прощаешься?
Ой, зачем
с войны безрадостной,
сын,
не возвращаешься?
Из беды тебя я выручу,
прилечу
орлицей быстрою.
Отзовись,
моя кровиночка!
Маленький.
Единственный...

Белый свет
не мил.
Изболелась я.
Возвратись,
моя надежда!
Зернышко мое.
Зорюшка моя.
Горюшко мое, —
где ж ты?

Не могу найти дороженьки,

чтоб заплакать над могилою,
Не хочу я
ничегошеньки, —
только сына милого.
За лесами моя ластынька!
За горами – за громадами...
Если выплаканы глазыньки,
сердцем
плачут матери...
Белый свет
не мил.
Изболелась я.
Возвратись,
моя надежда!
Зернышко мое.
Зорюшка моя.
Горюшко мое, —
где ж ты?

4

Это песня о солнечном свете,
это песня о солнце в груди.
Это песня о юной планете,
у которой
все впереди!
Именем солнца,
именем Родины
клятву даем.
Именем жизни
клянемся павшим героям:
то, что отцы не допели, —
мы
допоем!
То, что отцы не построили, —
мы
построим!

Устремленные к солнцу побеги,
вам
до синих высот
вырастать.
Мы —
рожденные песней победы —
начинаем жить и мечтать!
именем солнца,
именем Родины
клятву даем.
Именем жизни

клянемся павшим героям:
то, что отцы не допели, —
мы
допоем!
То, что отцы не построили, —
мы
построим!

Торопитесь,
веселые весны!
Мы погибшим на смену
пришли.
Не гордитесь,
далекие звезды, —
ожидайте
гостей с Земли!
Именем солнца,
именем Родины
клятву даем.
Именем жизни
клянемся павшим героям:
то, что отцы не допели, —
мы
допоем!
То, что отцы не построили, —
мы
построим!

5

...Слушайте!
Это мы
говорим.
Мертвые.
Мы.
Слушайте!
Это мы
говорим.
Оттуда.
Из тьмы.
Слушайте!
Распахните глаза.

Слушайте до конца.
Это мы говорим,
мертвые.
Стучимся
в ваши сердца.

Не пугайтесь!
Однажды мы вас потревожим во сне.
Над полями
свои голоса пронесем
в тишине.
Мы забыли,
как пахнут цветы.
Как шумят тополя.
Мы и землю забыли.
Какой она стала,
земля?
Как там птицы?
Поют на земле
без нас?
Как черешни?
Цветут на земле
без нас?
Как светлеет река?
И летят облака
над нами?
Без нас.
Мы забыли траву.
Мы забыли деревья
давно.
Нам
шагать по земле
не дано.
Никогда
не дано!
Никого не разбудит
оркестра
печальная
медь...
Только самое страшное, —
даже страшнее,
чем смерть:
знать,
что птицы
поют на земле
без нас!

Что черешни
цветут на земле
без нас!
Что светлеет река.
И летят облака
над нами.
Без нас.
Продолжается жизнь.

И опять
начинается день.
Продолжается жизнь.
Приближается время дождей.
Нарастающий ветер
колышет
большие хлеба.

Это —
ваша судьба.
Это —
общая наша
судьба.
Так же птицы
поют на земле
без нас.
И черешни
цветут на земле
без нас.
И светлеет река.
И летят облака
над нами.
Без нас.

6

Помните!
Через века,
через года, —
помните!

О тех,
кто уже не придет
никогда, —
помните!

Не плачьте!
В горле сдержите стоны,
горькие стоны.
Памяти
павших
будьте достойны!
Вечно
достойны!
Хлебом и песней,
мечтой и стихами,
жизнью просторной,
каждой
секундой,

каждым
дыханьем
будьте достойны!

Люди!
Покуда сердца
стучатся, —
помните!
Какою ценой
завоевано счастье, —
пожалуйста,
помните!
Песню свою
отправляя в полет, —
помните!
О тех,
кто уже никогда не споет, —
помните!
Детям своим
расскажите о них,
чтоб запомнили!
Детям
детей
расскажите о них,
чтобы тоже
запомнили!
Во все времена
бессмертной Земли
помните!
К мерцающим звездам
ведя корабли, —
о погибших
помните!
Встречайте трепетную весну,
люди Земли.
Убейте
войну,
прокляните
войну,
люди Земли!
Мечту пронесите через года
и жизнью наполните!..

Но о тех,
кто уже не придет
никогда, —
заклинаю, —
помните!

Оттепель

Отрывок из поэмы «Совесь»»

...В девятьсот семнадцатом родился,
Не участвовал и не судился,
В оккупации не находился,
Не работал, не был, не умею,
Никаких знакомых не имею.
Родственников за границей нету,
Сорок три вопроса и ответа,
Сорок три вопроса и ответа —

Просто идеальная анкета.

.....
Одного вопроса нет в анкете.
Нет того, что в сердце нам стучится,
Ханжескому пафосу противясь,
А когда ты думать разучился,
Несгибаемый, как пень, партиец?
Твердым шагом проходил в президиум,
Каялся, когда кричали: «Кайся!»
И не падал, и не спотыкался,
Потому что, кто ж споткнется сидя...
1958-59 гг.

Часы

– Идут часы...
– Подумаешь, —
открыть!
Исправны, значит...
Приобрел —
носи...

– Я не о том!
На улицу смотрите:
по утренней земле
идут часы!
Неслышные, торопятся минуты,
идут часы,
стучат ко мне в окно.
Идут часы,
и с ними разминуться,
не встретить их
живущим не дано...
Часы недлинной жизни человека,
увидите, —
я вас перехитрю!
Я в дом вбегу.
Я дверь закрою крепко.
Теперь стучите, —
я не отворю!..

Зароешься,
закроешься,
не вступишь,
свои часы дареные испортишь,
забудешь время
и друзей забудешь,
и замолчишь,
и ни о чем не вспомнишь.
Гордясь уютной
тишиной квартиры
и собственной хитростью
лучась,
скорее
двери забаррикадируй!..

Но час
придет!
Неотвратимый час.
Наступит он в любое время года
на мысли,

на ленивые мечты.
Наступит час
на сердце и на горло...
И, в страхе за себя,
очнешься ты!..
И разобьет окошко
мокрый ветер.
И хлынут листья
в капелькак росы...

Услышишь:
бьют часы!
И вслед за этим
почувствуешь:
наотмашь
бьют
часы!
1960

Утро

Владимиру Соколову

Есть граница между ночью и утром,
между тьмою
и зыбким рассветом,
между призрачной тишью
и мудрым
ветром...

Вот осинový лист трясется,
до прожилок за ночь промокнув.
Ждет,
когда появится солнце...
В доме стали заметней окна.
Спит,
раскинув улицы,
город,
все в нем —
от проводов антенных
до замков,
до афиш на стенах, —
все полно ожиданием:
скоро,
скоро!
скоро!! —
вы слышите? —
скоро
птицы грянут звонким обвалом,
растворятся,
сгинут туманы...
Темнота заползает
в подвалы,
в подворотни,
в пустые карманы,
наклоняется над часами,
смотрит выцветшими глазами
(ей уже не поможет это), —
и она говорит голосами
тех,
кто не переносит
света.
Говорит спокойно вначале,
а потом клопоча от гнева:
— Люди!
Что ж это?!

Ведь при мне вы
тоже кое-что
различали.
Шли,
с моею правдой не ссорясь,
хоть и медленно,
да осторожно...
Я темней становилась нарочно,
чтобы вас не мучила совесть,
чтобы вы не видели грязи,
чтобы вы себя
не корили...
Разве было плохо вам?
Разве
вы об этом тогда
говорили?
Разве вы тогда понимали
в беспокойных красках рассвета?
Вы за солнце
луну принимали.
Разве я
виновата в этом?

Ночь, молчи!
Все равно не перекричать
разрастающейся вполне зари.
Замолчи!
Будет утро тебе отвечать.
Будет утро с тобой говорить.

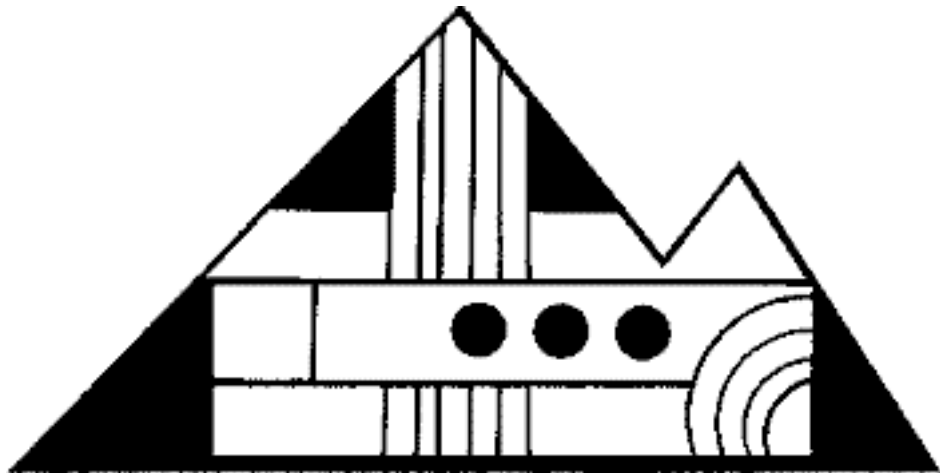
Ты себя оставь
для своих льстецов,
а с такими советами к нам
не лезь —
человек погибает в конце концов,

если он скрывает
свою болезнь.
...Мы хотим оглядеться
и вспомнить теперь
тех,
кто песен своих не допел до утра...
Говоришь,
что грязь не видна при тебе?
Мы хотим ее видеть!
Ты слышишь?
Пора
знать,
в каких притаилась она углах,

в искаженные лица врагов взглянуть,
чтобы руки скрутить им!
Чтоб шеи свернуть!

...Зазвенели будильники на столах.
А за ними
нехотя, как всегда,
коридор наполняется скрипом дверей,
в трубах
с клетотом гулким проснулась вода.

С добрым утром!
Ты спишь еще?
Встань скорей!
Ты сегодня веселое платье надень.
Встань!
Я птицам петль для тебя велю,
Начинается день.
Начинается
день!
Я люблю это время.
Я
жизнь люблю!

Творчество

Э. Неизвестному

Как оживает камень?
Он сначала
не хочет верить
в правоту резца...
Но постепенно
из сплошного чада
плывет лицо.
Верней —
подобие лица.
Оно ничье.
Оно еще безгласно.
Оно еще почти не наяву.
Оно еще
безропотно согласно
принадлежать любому существу.
Ребенку,
женщине,
герою,
старцу...
Так оживает камень.
Он —
в пути.
Лишь одного не хочет он:
остаться
таким, как был.
И дальше не идти...
Но вот уже
с мгновением великим
решимость Человека сплетена.
Но вот уже
грудным, просящим криком
вся мастерская
до краев полна:
«Скорей!
Скорей, художник!
Что ж ты медлишь?
Ты не имеешь права
не спешить!
Ты дашь мне жизнь!
Ты должен.
Ты сумеешь.
Я жить хочу!
Я начинаю

жить.
Поверь в меня светло и одержимо.
Узнай!
Как почку майскую, раскрой.
Узнай меня!
Чтоб по гранитным жилам
пошла
толчками
каменная кровь.
Поверь в меня!..
Высокая,
живая,
по скошенной щеке
течет слеза...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.